

Корнелл Вулрич
Невеста была в черном.
Черный занавес

Серия «Великие мировые детективы»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73378303

ISBN 978-5-17-171891-6

Аннотация

«Невеста была в черном» – один из самых популярных и знаменитых романов Вулрича. Когда богатый жених прямо во время вечеринки по поводу своей помолвки падает с балкона и разбивается насмерть, полиция решает, что это несчастный случай. И только детектив Вангер, узнав, что незадолго до смерти рядом с погибшим видели таинственную незнакомку, подозревает, что на самом деле произошло убийство. Когда же при странных обстоятельствах умирает еще двое мужчин, которых видели в компании никому не известной женщины, примечательной своей красотой, Вангер понимает, что перед ним целая серия преступлений. Но что объединяет людей, которые на первый взгляд не знали друг друга? И почему кто-то пожелал им смерти?

«Черный занавес» – детектив о памяти, тайнах личности и прошлого. Фрэнк Таунсенд в результате несчастного случая получает удар по голове, но когда приходит домой, не узнает

собственной квартиры и выясняет, что его жена съехала. Оказывается, три года назад он как обычно отправился утром на работу и исчез. Он не помнит, что с ним было все это время, не знает, что делал и где жил, но вскоре выясняет, что его обвиняют в убийстве. Фрэнку предстоит не только разобраться, что же с ним произошло, но и восстановить собственную репутацию. Вот только он еще не знает, что находится в огромной опасности, за ним уже следят и доверять нельзя никому.

Содержание

Невеста была в черном	6
Часть первая	7
Глава первая	7
Глава вторая	13
Глава третья	37
Часть вторая	44
Глава первая	44
Глава вторая	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Корнелл Вулрич

Невеста была в черном.

Черный занавес

Copyright © Cornell Woolrich, A 148715, following initial publication, December 6, 1940.

Renewed by Cornell Woolrich, R 439031, July 19, 1968.

Copyright © 2026 by Cathy Bartlett Lynch & Laurie Bartlett Schrader

The Black Curtain

Copyright © Cornell Woolrich, A 154724, following initial publication, June 13, 1941.

Renewed by Cornell Woolrich, R 441129, Aug. 2, 1968.

Copyright © 2026 by International Literary Properties LLC

© Кирилл Батыгин, перевод, 2026

© Наталия Осояну, перевод, 2026

© Василий Половцев, илл. на обл., 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

Невеста была в черном

Перевод с английского

Кирилла Батыгина

Перевод посвящается памяти Баязида Рзаева, исследователя, редактора, коллеги, единомышленника, друга и самого светлого человека, писавшего на русском языке о нуаре и хорроре

Убийство – великий закон, заложенный природой в сущность бытия!

Нет ничего более прекрасного и благородного, чем убивать!

Ги де Мопассан. Сумасшедший

Часть первая

Блисс

*Голубая луна, ты видела меня стоящей одиноко
Без мечты на сердце,
без моего единственного, любимого.
Голубая луна, ты прекрасно знала,
почему я там стояла...*

Роджерс и Харт

Глава первая

Женщина

—Джули, моя Джули. — Зов проследовал за женщиной вниз на четыре лестничных пролета. Это был нежнейший шепот, наистрожайшее требование, которое может сорвать-ся с губ человека. Звуки не заставили ее вздрогнуть, не сбили ее с пути. Ее лицо было белым, когда она вышла на свет дня, — только и всего.

Девушка, ждавшая с саквояжем у выхода на улицу, повернулась и почти с недоверием посмотрела на подошедшую женщину, будто удивленная, что та нашла в себе силы довести задуманное до конца. Женщина, словно читая ее мысли, ответила на незаданный вопрос:

– Мне было точно так же тяжело прощаться с ними, как и им, только я привыкла, а они нет. Много у меня было ночей, чтобы набраться смелости. Для них это было впервые, а я прошла через это тысячи раз. – И, не меняя тона, добавила: – Поеду на такси. Вон там как раз стоит одно.

Девушка вопрошающе разглядывала женщину, пока подъезжал автомобиль.

– Да, можешь проводить меня, если хочешь. Водитель, на Центральный вокзал.

Женщина не оглянулась ни на дом, ни на улицу, которые они покидали. Она не смотрела на многие другие последовавшие далее памятные улицы, которые в совокупности составляли ее город, место, в котором она жила всегда.

У окошка кассы им пришлось немного подождать; кто-то подошел раньше них. Девушка беспомощно стояла рядом с женщиной.

– Куда ты едешь?

– Сама не знаю, даже сейчас. Я об этом не думала. – Женщина открыла сумочку, разделила небольшую пачку купюр, которая там находилась, на две неравные части и достала ту, что поменьше. Она наклонилась к окошечку и протянула деньги. – Куда я смогу добраться по дневному тарифу?

– До Чикаго – вам причитается девяносто центов сдачи.

– Тогда давайте билет в одну сторону. – Она повернулась к девушке. – Теперь ты можешь вернуться и по крайней мере это им сообщить.

– Не буду ничего рассказывать, если ты этого не хочешь, Джули.

– Все равно. Какая разница, как называется место, куда ты уезжаешь насовсем?

Они какое-то время провели в зале ожидания. Вскоре они спустились к нижней платформе и задержались на миг в дверях вагона.

– Поцелуемся, как полагается бывшим подругам детства. – Их губы на мгновение соприкоснулись. – Вот так.

– Джули, что я могу тебе сказать?

– Только «прощай». Что еще можно кому-либо сказать – в этой жизни?

– Джули, надеюсь, что еще повидаюсь с тобой.

– Ты никогда меня больше не увидишь.

Вокзал остался позади. Поезд промчался через длинный тоннель. Затем он снова выехал на дневной свет, поехал по мосту-эстакаде вровень с верхними этажами многоквартирных домов; мимо проносились крестообразные улицы, напоминавшие проемы в заборе.

Поезд начал сбавлять ход, даже не успев разогнаться до полной скорости. – Двдцать-птая улица, – прогудел кондуктор на весь вагон. Навсегда уехавшая прочь женщина подхватила саквояж, поднялась с места и миновала проход, словно это было окончание ее пути, а не начало.

Она в полной готовности стояла в тамбуре, пока поезд подъезжал к станции. Вышла из вагона, прошла вдоль плат-

формы до выхода и спустилась по лестнице до уровня улицы. Купила газету в киоске зала ожидания, села на одну из скамеечек, открыла газету ближе к концу, на объявлениях. Развернула газету на удобную ширину, провела пальцем по столбцу с заголовком «Аренда мебелированных комнат».

Палец остановился в почти случайном месте, безо всякого внимания к деталям того сообщения, на котором он задержался. Она вдавила ноготь в рыхлую бумагу, помечая объявление. Засунув газету под мышку, снова подхватила саквояж, вышла на улицу к стоянке такси.

—Отвезите меня сюда, — сказала она, показывая объявление.

* * *

Хозяйка дома с мебелированными комнатами отступила к распахнутой двери, дожидаясь решения женщины.

Женщина развернулась.

—Да, подходит. Я внесу оплату за первые две недели.

Хозяйка пересчитала деньги, начала выписывать квитанцию.

—Ваше имя, пожалуйста? — спросила она, поднимая взгляд.

Глаза женщины метнулись к саквояжу, по центру которого между защелками едва виднелись когда-то выведенные позолотой инициалы «Дж. Б.».

–Джозефин Бейли.

–Вот расписка, мисс Бейли. Надеюсь, вам здесь будет уютно. Ванная комната через две двери вниз по коридору на...

–Спасибо, спасибо вам, я разберусь. – Она прикрыла дверь, заперлась изнутри. Она сняла шляпу и пальто, открыла саквояж, совсем недавно упакованный для поездки на расстояние в пятьдесят кварталов – или длиной во всю жизнь.

Поверх рукомыльника был прибит подернутый ржавчиной небольшой оловянный аптечный шкафчик. Она подошла и открыла его, приподнимаясь на цыпочки, словно в поисках чего-то. На верхней полочке, как она отчасти и надеялась, обнаружилась проржавевшая бритва, оставшаяся от давно канувшего в забвение жильца.

С бритвой она вернулась к саквояжу, сделала надрез продолговатой формы вокруг инициалов на крышке, отодрала верхний слой папье-маше, вырывая буквы под корень. Затем она уделила внимание содержимому чемодана, отсекая вышитые литеры с нижнего белья, пеньюара, блузок; она удаляла те самые буквы, которые прежде обозначали ее присутствие везде, где она находилась.

Устранив следы своей предшественницы, женщина бросила бритву в мусорную корзину, брезгливо протерла кончики пальцев.

В кармашке под крышкой саквояжа она отыскала фотографию мужчины. Она вытащила изображение и долго, не

отрываясь, разглядывала его. Обыкновенный молодой человек, в котором не было ничего удивительного: не поразительный красавец; те же глаза, рот и нос, что и у всех. Долго она смотрела на него.

Затем она отыскала в сумочке коробок со спичками и подошла с изображением к ручкомойнику. Она поднесла зажженную спичку к уголку фотографии и не выпускала ту из рук, пока оставалось что держать.

–Прощай, – слабо выдохнула она.

Она ополоснула ручкомойник стружкой воды и вернулась к саквяжу. Все, что оставалось в кармашке под крышкой, – клочок бумаги с надписанным карандашом именем. Много времени ушло на то, чтобы найти это имя. Женщина заглянула дальше, вытащила еще четыре таких же бумажки.

Она достала все записки. Она не сразу их сожгла. Она сначала поигралась с ними в некое подобии вялого безразличия. Она их положила пустыми сторонами кверху на комод. Затем покрутила их пальцами. Взяла одну бумажку и бегло проглядела, что было написано на ней с оборотной стороны. Наконец вновь собрала все листочки и сожгла все пять над ручкомойником.

Потом она перешла к окну, поглядела из него, ухватившись руками за края плитоподобной рамы. Она словно склонялась к открывавшемуся снаружи городу, будто что-то, нависшее над ним, вот-вот должно было свершиться.

Глава вторая

Блисс

Такси чуть не доехало до входа в дом Блисса и слегка подкинуло его вперед на сиденье. От встряски у него в желудке взболтался алкоголь. И не от большого объема, а от недавнего распития.

Он выбрался из машины, и верхушка дверной рамы сбила ему шляпу набекрень. Он поправил ее, покопался в поисках мелочи, уронил монетку. Он не был пьян до беспомощности; до такого у него никогда не доходило. Он понимал все, что ему говорили, и все, что он сам говорил, и чувствовал себя как надо. Не слишком плохо, не слишком хорошо. К тому же у него в голове постоянно витала мысль о Мардж – кажется, что-то начало срастаться. Такую мысль не хочется топить в алкоголе.

Дежуривший в ночную смену Чарли появился у него за спиной, когда он расплачивался с водителем. Чарли слегка припозднился с ритуалом встречи, потому что задержался на скамье в фойе, дочитывая спортивную заметку в таблоиде. Но все же на часах было два тридцать ночи, и, кроме того, совершенных людей не бывает.

Блисс повернулся и сказал:

–Привет, Чарли.

Чарли ответил:

– Доброе утро, мистер Bliss. – Он придержал дверь, и Bliss прошел внутрь. Чарли последовал за ним, более-менее удовлетворительно исполнив служебный долг. Он зевнул, и Bliss подхватил зевок, даже не видя, как Чарли зевает, – факт, который заинтересовал бы любого метафизика.

По одну сторону вестибюля была установлена зеркальная панель, и Bliss подошел к ней, осмотрел себя привычным взглядом, которым он оглядывал себя в любых дверях. У него было два таких взгляда. Взгляд «парень, как-же-классно-я-себя-чувствую, что-нам-сегодня-ночка-уготовила». Это был взгляд для выхода. А еще был взгляд «Боже-паршиво-себя-чувствую, поскорее-бы-в-кровать-забраться». Это был взгляд для возвращения.

Bliss увидел перед собой мужчину двадцати семи лет от роду с коротко стриженными светлыми волосами. Настолько коротко остриженными, что по бокам они казались серебристыми. Карие глаза, худощавое телосложение, хороший рост без излишней высоты. Человек, который знал о себе все, – вот каким был Bliss. Не красавец, хотя, с другой стороны, кто хочет быть красавцем? Даже Мардж Эллиот было все равно, красавец он или нет. «Главное, – как выразилась она, – что ты Кен».

Он вздохнул, щелкнул ногтем большого пальца по потрепанному белому цветочку, который все еще цеплялся за петлицу лацкана, и цветок разлетелся на кусочки.

Bliss достал смятую пачку сигарет, вытащил одну для

себя, заглянул внутрь через аккуратную дырочку в верхнем правом углу пачки. Видя, что осталась всего одна сигарета, он предложил ее Чарли.

–Нет больше той любви у человека, – заметил он.

Чарли взял сигарету, вероятно предполагая, что никого другого ждать не следовало.

В поясе Чарли был крупным и округлым. Ему не особенно хорошо удавалось полировать самый низ латунных стоек, которые поддерживали навес над входом, зато средняя и верхняя части всегда сияли как драгоценности, и он мог во время бурных возлияний выпить вдвое больше собственного веса. Он служил ночным швейцаром при здании с тех пор, как Блисс переехал сюда. Блиссу был симпатичен Чарли. Да и Чарли был симпатичен Блиссу. Блисс дарил ему по два бакса на Рождество и раздавал еще два доллара в течение года монетами по пятьдесят центов зараз. Но не в том крылась причина симпатии. Блисс просто нравился Чарли.

Блисс прикурил им обоим. Затем он повернулся и поглядел на две мелкие ступеньки, которые вели к лифту самостоятельного обслуживания. Чарли сказал:

–Ой, чуть не забыл, мистер Блисс. К вам вечером заходила молодая особа.

–В самом деле? Как она назвалась? – безразлично поинтересовался Блисс. Это не была Мардж, так что особой разницы не было – уже не было. Он остановился и повернул лицо лишь на четверть оборота в сторону источника ответа.

– Никак, – ответил Чарли. – Мне не удалось узнать ее имя. Пару-тройку раз я спросил, но... – Он пожал плечами. – ... ей будто не хотелось говорить свое имя.

– Ну и хорошо, – сказал Блисс. И, действительно, все было хорошо.

– Она вроде хотела подняться наверх и дожидаться вас в квартире, – добавил Чарли.

– Нет-нет, никогда этого не делай, – резко бросил Блисс. – С этим покончено.

– Знаю. Я и не собирался, мистер Блисс, за это не переживайте... – отозвался Чарли с поразительной искренностью. И добавил со слегка сдержанным покачиванием головы: – А ей туда ох как хотелось.

Что-то в том, как он это сказал, вызвало у Блисса любопытство.

– Ты о чем? – Он опустил одну ногу на ведущую вниз ступеньку и сильнее развернул голову и плечи к Чарли.

– Ну, стояла она рядом со мной, слегка сбоку, у зеркала после того, как я вам отзвонился наверх и не получил ответа, и говорит: «А не могу ли я подняться и подождать?» А я сказал: «Даже не знаю, мисс. Не положено...» Пытался мягко ей отказать. А она взяла и открыла сумочку, такую вечернюю плоскую сумочку, все цеплялась она за нее, порыскала там, точно хотела отыскать помаду. А там, поверх всех ее вещей, на меня глядела стодолларовая купюра. Может, вы не поверите, мистер Блисс, но я видел все собственными глазами...

Блисс добродушно хмыкнул.

– Ты думаешь, что она пыталась предложить тебе деньги, чтобы ты ее пропустил? Посмешил, Чарли. – Он лукаво двинул локтем.

Ничто не могло поколебать вымученную откровенность, которая читалась в широко распахнутых глазах Чарли.

– Я знаю, что так и было, мистер Блисс, она так все подстроила, что нельзя было не заметить. Она оставила верх сумочки широко открытым и копалась снизу под купюрой, чтобы не сдвинуть ее ненароком. А та лежала себе ровнехонько поверх всего. А потом дамочка поглядела прямо на меня – даже слегка отодвинула от себя сумочку. Не сунула ее мне, но чуток пододвинула в мою сторону, чтобы я понял, к чему она клонит. Вы уж поверьте, я давно занимаюсь этим делом. Мне известны все знаки. Все было понятно.

Блисс задумчиво почесал уголок рта острым ногтем большого пальца, словно желая проверить, все ли там на месте.

– Ты уверен, что это была не десятка, Чарли?

Голос оскорбленного недоверием Чарли сорвался практически на фальцет.

– Мистер Блисс, я же видел два нолика на верхних углах!

Блисс в тревоге втянул губу между зубов, прикусывая ее.

– Будь я проклят! – Он наконец полностью повернулся к Чарли, намереваясь все обсудить, пока он окончательно не прояснил бы для себя ситуацию.

Чарли вроде понял, что намечалось продолжение беседы.

–Минутку, мистер Блосс, – сказал он, когда снаружи до них донесся звук еще одного подъезжавшего такси. Он вышел, исполнил дверной долг и вернулся в сопровождении господина и дамы в вечерних одеяниях, которые, вероятно, смотрелись весьма элегантно в районе восьми тридцати вечера. К утру в одежде не осталось ни грамма крахмала.

Проходя мимо, пара незаметно кивнула Блоссу, и он ответил им легким кивком в духе ужасающего безразличия жителей большого города. Они зашли в кабинку лифта и уехали.

Как только стеклянное окошко на панели лифта потемнело, Чарли и Блосс продолжили с того места, на котором остановились.

–Ну и как она выглядела? Видел ты ее до этого? Ты знаешь большую часть людей, которые толпились у меня раньше.

–Так точно, – признал Чарли, – и я не могу припомнить. Я уверен, что никогда ее не видел, мистер Блосс, но точно могу сказать, что она красотка. Та еще красотка!

–Ладно, та еще красотка, – согласился Блосс, – но как она выглядела?

–Ну, блондинка. – Чарли пустил в дело руки художника, который в нем дремал. Он очертил – предположительно – большую копну роскошных волос. – Но натуральная блондинка, у нее настоящие белокурые локоны. Не этот дурацкий, размытый, серебристый блонд, который сейчас делают. Натуральная блондинка.

–Натуральная блондинка, – терпеливо подтвердил Блосс.

–И... и голубые глаза. Знаете, такие, которые всегда улыбаются, даже когда человек не смеется? Примерно такого роста – ее подбородок упирался во второй шеврон у меня на рукаве, видите? И, хм, не особо толстая... но назвать ее худой тоже нельзя. Как раз достаточно плотненькая...

По ходу неспешного описания Блисс глазел в дальний край потолка вестибюля.

–Нет, – повторял Блисс, – нет, – словно перебирая архив. – На ум приходит Хелен Реймонд, но...

–Нет, мисс Реймонд я точно припоминаю, – твердо заявил Чарли. – Это была не она. Я ей часто такси ловил. – И добавил: – В любом случае, почему я думаю, что вы ее не знаете... Потому что она сама вас не знает.

–Как это? – спросил Блисс. – На кой черт тогда она меня искала и пыталась ко мне пробраться?

Чарли все еще отставал от него на круг в гоночном туре, который они затеяли.

–Да ни черта бы она вас не узнала, – повторил он с нажимом. – По пути наверх я устроил ей проверку...

–Так ты собирался ее пустить наверх. Все-таки это точно была сотка.

Чарли осуждающе откашлялся, понимая, что допустил промах.

–Нет, мистер Блисс, нет, – задушевно запротестовал он. – Вы же меня знаете. Ничего я не собирался. Но я отправился с ней к лифту, прикинувшись, что пушу. Подумал, что так

быстрее от нее отделаюсь, изображу, что отворю ей, а в последнюю секунду...

– Да, я понял, – сухо отозвался Блосс.

– Ну, сели мы в кабину, поехали на четвертый. По пути наверх я вдруг припомнил, что в прошлом году у нас произошла кража, сами знаете, и решил, что лучше не рисковать. Тут я начал впаривать ей ваше поддельное описание, прямую противоположность вас, чтобы проверить ее. Я сказал: «Он же рыжий и высокий, чуточку не хватает до метра восемьдесят с хвостиком? Я недавно устроился. Надо убедиться, что мы говорим об одном и том же человеке, многовато их у нас в доме». Она сразу повелась на это. «Да, конечно, – сказала она, – это он». Довольно быстро, чтобы я не обратил внимания, что она впервые слышала о том, как вы выглядите.

– Чтоб меня... – проговорил Блосс. И расписал, что, по его представлениям, могло бы с ним происходить.

– Разумеется, с меня и того хватило, – благородно заверил Чарли. – Это была последняя капля. Когда я услышал такое, я заявил себе: «Этот номер у вас не пройдет. Не в мою смену, дорогуша!» Но я ей ничего не сказал, потому что... Ну, она была в общем-то прилично одета, не из тех, с кем стоит быть поосторожнее. Так что я ее мягко прокатил, сунул к вам в дверь не тот ключ и прикинулся, что у меня другого нет и что она попасть к вам не сможет. Мы вернулись вниз, и она как-то легкомысленно все восприняла, будто у нее не получилось, но рано или поздно получится. Она улыбнулась и сказала:

«В следующий раз». И пошла вниз по улице, откуда пришла. Смешно было, ведь она приделась. Я проследил за ней до угла и не заметил, чтобы она села в такси или еще чего, так и шла она, будто на часах было десять утра. А потом завернула за угол и пропала. О'Коннор, тот, который полицейский, пересекся с ней, следуя в нашу сторону, и я даже увидел, как он повернулся, чтобы посмотреть ей вслед. Та еще красotka.

–Что ж, корабль этот уплыл, – заметил Блисс. – Ну, можно по крайней мере быть уверенным, что это какая-то подлянка. Если я ее не знаю и, судя по твоему описанию, она не знает меня, то к чему это все было? Какого черта она сюда пришла? Может, спутала меня с кем-то.

–Нет, она вас правильно назвала, даже по имени. «Мистер Кен Блисс», – вот о ком она спросила, как вошла.

–И ты же сказал, что она не приехала сюда?

–Нет, пришла из ниоткуда, а потом туда же удалилась. Смешнее ничего в жизни не видывал.

Мужской разговор продолжился еще какое-то время в обычном для половины третьего утра духе вольных каменщиков.

–В таком большом городе, как наш, иногда сталкиваешься с подобными шутками. По-другому и быть не может. Знаете, мистер Блисс, я же по долгу службы много повидал таких дамочек. Теряют рассудок и выдумывают себе, что знают вас, что влюбились в вас, что вы с ними что-то сделали. Вы бы удивились, если бы знали, какие заразы и психи бродят на

воле...

–И, может, одна из таких положила на меня глаз. Приятная мысль на сон грядущий, – произнес Блисс, скривившись.

Он повернулся, собираясь уйти к лифту. И наградил Чарли напоследок, прежде чем закрылись двери, псевдоиспуганной ухмылкой.

–Получается, что живем мы в такие времена, когда одинокий молодой человек не может чувствовать себя в безопасности. Думаю, пора мне жениться, чтобы заручиться чьей-то защитой!

Однако наверх Блисс поднялся с мыслями о Марджори – и ни о ком другом.

* * *

В день вечеринки по случаю помолвки с Марджори Кори появился у его двери в восемь тридцать, задолго до того, как Блисс начал готовиться к выходу.

–Какого черта, – заявил Блисс с преувеличенным раздражением, которое уготовано лишь ближайшим друзьям. – Я только что вернулся с ужина. Даже не побрился.

–Я тебе в контору звонил в полпятого. Куда ты запропастился? – рыкнул в ответ Кори со схожей долей фамильярной бесцеремонности.

Он вошел и занял лучшее кресло, закинув ногу на ручку. Шляпу он отправил в полет на подоконник. До подоконника

шляпа не долетела, остановившись на книжной стойке под ним.

Кори был недурной внешности парень без прикрас: брюнет с тяжелыми бровями, чуть выше и чуть тоньше Блисса – или, может, так казалось только из-за разницы в росте. Он разыгрывал из себя прожигателя жизни со страниц «Эсквайра», но то была сплошная фанера для прикрытия; примитивная подноготная ощущалась в нем немедленно. То и дело наносной лоск давал трещину, и через нее открывался вид на потрясающие джунгли. Но над лоском – фанерным или нет – Кори тщательно работал. На какую бы вечеринку вы ни пошли – он был там, лелея в руках стакан. Любая девушка, с которой вы заговаривали о нем, знала его – или у нее была подруга, которая знала его. Техника Кори сводилась к фронтальному наступлению, тотальному блицкригу, и она помогала ему одерживать победу на наименее ожидаемых территориях. Если бы когда-либо открылась правда, то стало бы известно, что ему удалось уложить на обе лопатки некоторые из самых непреклонных, нестигаемых плечиков в городе.

Кори начал потирать руки в явном проявлении ехидного ликования.

–Этим вечером тебя поймают на крючок! Тавро тебе поставят! Уже подумываешь о побеге? Держу пари, что подумываешь! Весь белый, как треска...

–Думаешь, я – как ты?

Кори несколько раз ударил себя большим пальцем в грудь.

–А тебе стоило бы быть таким, как я. Таких, как я, никто не заарканит формальными обязательствами!

–Может, у тебя было бы больше предложений, если бы ты мылся чаще, – пренебрежительно буркнул Блисс.

–И заставить их искать меня дольше в темноте? Так будет нечестно. Итак, где ты пропал днем? Я хотел с тобой пообедать.

–Покупал фонарь. Где, ты думаешь? – Он открыл ящик комода, достал оттуда маленькую квадратную коробочку, щелчком открыл ее. – Как тебе?

Кори вынул вещицу из объятий плюша, восхищенно припал к ней.

–Вот так камушек!

–Само собой. Дорого он мне обошелся. – Блисс закинул коробочку обратно в ящик с прекрасно разыгранным выражением безразличия и стал отцеплять подтяжки. – Я в душ. Где скотч, ты и сам знаешь.

Он вернулся минут через двадцать при полном параде, в том числе узком галстук-бабочке.

–Что это за дамочка? – лениво поинтересовался Кори, поднимая глаза над газетой.

–Какая дамочка?

–Пока ты отсутствовал, позвонили, тебя спрашивала девушка. По тому, как она говорила, я понял, что не из твоих старых знакомых. «По этому адресу проживает мистер Кеннет Блисс?» Я сказал, что ты занят, и спросил, не могу ли

я быть ей в помощь. Больше ни единого слова, просто повесила трубку.

–Странно.

Кори поболтал напитком в стакане.

–Может, одна из тех журналисток, которые ведут хронику светской жизни, хочет узнать побольше о помолвке.

–Нет, они обычно заходят с женской стороны. Да и родные Марджори всю интригу им уже слили. Может, это она? – проговорил он после кратких раздумий.

–Что за «она»?

Блисс ухмыльнулся.

–Я тебе еще не рассказал, но у меня, кажется, завелась тайная поклонница. Смешная штука недавно произошла. Как-то вечером, когда меня не было, сюда, в квартиру, изо всех сил пыталась пробраться красивая девушка. Мне швейцар потом рассказал. Не оставила имени, ничегошеньки. Он знает большую часть людей из моего бывшего окружения – сам знаешь, какими становятся швейцары через некоторое время, – и он был уверен, что никогда ее не видел. Убийственно хороша, в вечернем платье, выглядела как состоятельная штучка – уж у него-то глаз наметан. Но самое странное – она не подъехала к подъезду. Пришла пешком из ниоткуда разодетая в пух и прах, словно готовилась к чему-то важному. Он сказал, что она открыла сумочку, изобразила, как ищет помаду или что-то в этом роде, и дала ему поглазеть на стодолларовую купюру, лежавшую поверх остального. И

по ее поведению он понял, что мог бы заполучить деньги, если бы открыл дверь запасным ключом и пустил ее сюда.

Во взгляде Кори ощущался скепсис.

–Ты серьезно хочешь сказать, что швейцар просто так пустил шанс пожить с сотней? Он явно лукавит.

–Не уверен. Сумма такая фантастическая, по крайней мере в моих глазах, что звучит правдоподобно. Если бы он выдумывал, была бы десятка или двадцатка.

–Ну и что же он сделал – пустил ее?

–Из его рассказа я понял, что он был чертовски близок к тому, чтобы сдать; он был практически готов отвезти ее наверх и пустить ко мне. Но решил сначала проверить, понять, знает ли она меня по-настоящему, прежде чем впускать. В общем, он расписал прямую противоположность меня во всех отношениях, и она на это клюнула, поддакнула, что да, это тот самый мужчина, доказав, что никогда меня в жизни не видела. На том все, разумеется, и закончилось, он решил не рисковать. Прикинулся, что ключа при нем нет или что-то в таком духе и как можно более вежливо выпроводил ее. Она слишком прилично была одета, чтобы он держался с ней высокомерно. Увидев, что все зашло в тупик, она только улыбнулась, передернула плечами и пошла прочь по улице.

Кори к тому моменту уже заинтересованно склонился вперед.

–И ты уверен, что не узнаешь ее по описанию?

–Голову даю на отсечение. И, как я уже сказал, она меня

тоже.

–Интересно, что ей надо было?

–Уж точно не обчистить квартиру, ведь она готова заплатить сотню за одну возможность попасть сюда, да и волшебник тот, кто откапает здесь что-то на сотню.

Кори энергично покивал в знак согласия.

Блисс встал.

–Пошли. – Он нервно улыбнулся. – Мне все нравится в браке, кроме предшествующих ему церемоний – таких, как этот вечер.

–А мне больше всего нравится, – заметил Кори, – полное отсутствие даже намека на него.

Они вышли в общую зону и дожидались лифтовой кабинки, когда где-то неподалеку за закрытой дверью прозвучал тонюсенький, ворчливый звонок.

Блисс наострил многоопытное ухо.

–Соль дизел, это мой. Лучше схожу перехвачу его. Вдруг это Мардж.

Он вернулся к двери, покопался в кармане в поисках ключа, выронил его, вынужден был наклониться. Кори вытянул ногу, придерживая кабину.

–Поторопись, а то кто-нибудь уведет у нас лифт, – сказал он.

Блисс распахнул дверь. Одинокий звук, поднявшийся до полнозвучного звона, вдруг по закону подлости прервался и снова не возобновился. Блисс вышел, прикрыл дверь за

собой.

–Поздно, отключились.

На спуске вниз Кори предположил:

–Возможно, это таинственная дамочка.

–Если и так, – буркнул Блисс, – чего бы ей не было нужно, она добивается этого всеми силами.

* * *

Уединившись с Мардж в укромном уголке подальше от остальных гостей, Блисс почесал шею в наигранном замешательстве.

–Ну и как это делается? Я достаточно насмотрелся фильмов, должен был бы уже все знать наперед. Давай по старинке с закрытыми глазами, чтобы наверняка. Прикрой глаза и вытягивай пальчик.

Мардж сразу же протянула ему большой палец.

Блисс отмахнулся от него.

–Не этот. Поддержи меня. Я так волнуюсь, что...

–Ой, не тот палец? Надо быть более конкретным. А то вдруг ты его собираешься укусить или еще чего?

Затем последовало кольцо. Они свели головы вместе, разглядывая его; руки их сплелись двойным узлом на четыре руки. Они издавали бессмысленные мурлыкания и урчания, которые, вероятно, были языком, известным только им. Неожиданно они оба почувствовали на себе сторонние гла-

за и одновременно повернули головы к дверному проему. В нем виднелся силуэт девушки, застывшей так неподвижно, будто она выросла в пол.

Она была облачена в многоярусную, широко раскинувшуюся черноту, над которой без вмешательства бретелек проступала кремовая белизна плеч. Сияющий черной паутиной головной убор из газа покрывал волосы такой желтизны, что казалось, словно их обсыпали кукурузной мукой.

Сочувственная – или, возможно, издевательская – ямочка в уголке ее рта исчезла, прежде чем они смогли увериться в ее наличии.

–Простите, – тихо сказал она и пошла дальше.

–Какая эффектная девушка! – невольно выпалила Марджори, все еще вглядываясь в пустой дверной проем, будто ее загипнотизировали.

–А кто это?

–Не знаю. Вроде бы она пришла с Фредом Стерлингом и его компанией, но, если нас и представили, я не запомнила ее имени.

Они снова поглядели на кольцо. Однако чары развеялись, настроение улетучилось, и вернуть его они уже не смогли. Казалось, что в комнате уже было не так тепло, как прежде. Словно взгляд из дверного проема ее охладил.

Поежившись, Мардж сказала:

–Давай вернемся к остальным.

Вечеринка уже была на финишной прямой, и они танце-

вали, он и она. Условные полуобороты и притворные полужажки, которые лишь служили поводом для приватного разговора.

Он сказал:

—Тогда снимем квартиру на Восемьдесят четвертой. К тому же если он сделает нам скидку в пять долларов в месяц, как обещал... И со всей той мебелью, которую нам оставят, можно будет устроить что-то приличное...

Она сказала:

—Ты явно заинтересовал девушку в черном. Каждый раз, когда я смотрю в ее сторону, она глядит на тебя во все глаза. В любую другую ночь я бы уже начала волноваться.

Он повернул голову.

—Она не смотрит на меня.

—Смотрела, пока я не привлекла твое внимание.

—Так все же кто она?

Она пожала плечами.

—Мне показалось, что она пришла с Фредом Стерлингом и остальными. Ты же знаешь, что он всюду заявляется с целой свитой. Но Фред давно ушел, а она все еще здесь. Может, решила задержаться. Кем бы она ни была, мне нравится, как она держится. Никакого дешевого блеска. Я постоянно наблюдаю за ней, и ее, бедняжку, весь вечер осаждают. Каждый раз, когда она пытается тайком выйти на террасу одна, троечетверо мужчин, думая, что с ними заигрывают, кидаются за ней. А через минуту она снова возвращается внутрь, обыч-

но через боковую дверь, по-прежнему одна. Не знаю, как ей удается так быстро от них отделаться, но, видимо, она этот навык отточила до идеала. А они снова и снова пробираются за ней вслед, один за другим, с этим глупым видом, какой бывает у мужчин, когда им откажут. Типичный спектакль.

Она мягко коснулась его лацкана. Это был сигнал; они остановились на половине оборота.

–Еще люди уходят. Надо их проводить. Скоро вернусь, дорогой. Поскучаешь без меня?

Он наблюдал за ее отступлением, оставшись стоять как флагшток, на котором вдруг приспустили флаг. Когда светло-голубое платье скрылось из виду на противоположной стороне комнаты, он повернулся и пошел в другом направлении, на террасу, чтобы подышать свежим воздухом. Под воротом было немного липко; от танцев его всякий раз бросало в жар.

Огни города проносились под ним, как искрящиеся спицы деформированного колеса. Невнятно прорисованная жемчужная луна текла вниз по небу, уподобившись комку ослепительного пудинга из тапиоки, заброшенного в ночь вселенским пересмешником. Он зажег свою «сигарету после танцев» в ожидании ее возвращения. Чувствовал он себя отлично, обозревая город, который однажды чуть было его не поглотил. «Все у меня в порядке, – подумал он. – Я молод. Я нашел любовь. У меня хорошие перспективы. А остальное – чепуха».

Терраса тянулась вдоль всей длины квартиры. С одного конца она заворачивала за пентхаусную надстройку, куда луна последовать уже не могла. Там было темно. И никаких окон до пола, только редко использовавшаяся боковая дверь, которая своей прочной конструкцией блокировала любой свет.

Он зашел за угол, потому что на террасу направлялась парочка, и ему не хотелось быть третьим лишним. Он встал точно на углу между двумя выступами и теперь у него было две панорамы вместо одной.

И вдруг – она, вероятно, проскользнула незамеченной через боковую дверь и с той стороны подошла к нему – вездесущая девушка в черном остановилась где-то в полуметре от него, вглядываясь вдаль, как и он. Станным образом в ней обнаруживалось сходство с бюстом из белого мрамора, повисшим в воздухе без пьедестала, поскольку чернота платья тонула во мраке впадины, в которой они стояли.

– Красота, не правда ли? – спросил он. Все же они оказались вместе на одной вечеринке.

Девушке вроде бы не хотелось говорить на эту тему, так что, может быть, она ничего красивого в виде не находила.

В тот момент к ним присоединился жаждущий побед Кори. Видимо, она ему уже какое-то время назад приглянулась, но только сейчас колесо возможностей завертелось в нужном ему направлении. Присутствие Бласса никоим образом его не остановило.

–Отправляйся в комнату, – безапелляционно заявил он. –

Не будь свиньей, ты помолвлен.

Девушка быстро прервала их:

–Хочешь быть душкой?

–Конечно, хочу.

–Тогда принеси мне большой и звонкий хайбол.

Кори ткнул большим пальцем в Блисса.

–У него с напитками лучше, чем у меня.

–Из твоих рук будет вкуснее. – Банальная приманка, но она сработала.

Кори вернулся со стаканом. Девушка приняла напиток, подняла стакан над парапетом, медленно перевернула его, пока он не оказался вверх дном и пустым. Затем она сурово вернула его Кори.

–А теперь еще один.

Посыл Кори понял. Не понять его было сложно. Обходительность прожигателя жизни немедленно дала трещину, и сквозь расколы проглянули упомянутые ранее пресловутые джунгли. И не те, которые показывают в фильмах о путешествиях. Вспышка белого гнева пробежала по его лицу, задержавшись дольше всего у рта, в подобии бескровного комка. Кори сделал шаг и с деловитым безмолвием потянулся к ее шее обеими руками.

–Эй, полегче! – Блисс среагировал быстро, перекрывая рукам путь, прежде чем они успели добраться до цели, и отправил их вверх, в воздух. К тому моменту, когда руки опу-

стились, Кори вернул их под свой контроль. Он запихнул руки в карманы, возможно, чтобы там их и оставить. Негодование запоздало, уже после того, как тело осадили, проявилось в голосе.

– Всякая коза хочет меня бараном выставить! – Он развернулся и направился туда, откуда пришел.

Блисс тоже повернулся, чтобы проследовать за ним. Ведь, по сути, кем приходилась ему незнакомка?

Ее рука дернулась, заставив его остаться.

– Не уходите. Мне нужно с вами поговорить. – Рука опустилась, как только женщина убедилась, что она достигла цели.

Он остановится, чтобы выслушать ее.

– Вы меня не знаете, верно?

– Я весь вечер пытаюсь понять, кто вы. – Это было не так, он уделил ей меньше внимания, чем любой другой из присутствующих здесь мужчин. Такой ответ был более галантным, вот и все.

– Вы меня однажды видели, но не запомнили. А я вас помню. Вы были в машине с четырьмя товарищами...

– Я часто бывал в автомобилях с четырьмя товарищами, так много раз, что я...

– Это была машина с номером *Д3827*.

– Я не дружу с номерами.

– Она хранилась в гараже на Экстериор-авеню в Бронксе. И потом ею больше никто не пользовался. Странно, не прав-

да ли? Наверно, так она там и стоит, вся проржавевшая...

– Не помню ничего подобного, – проговорил он, озадаченный. – Но в любом случае скажите: кто вы? В вас чувствуется такой сильный заряд...

– От большого заряда случаются короткие замыкания. – Она отодвинулась на один-два шага, будто интерес к нему исчез столь же необъяснимо, как возник. Она стянула струящийся черный платок с головы, растянула его, разведя руки в стороны, в прямую линию, дала ветерку потрепать ткань.

Вдруг она вскрикнула. Платок пропал. Руки ее все еще отмеряли его длину. Воздушный шнур, незаметный на фоне ночи, упал по диагонали прямо под ней, прицепившись к фасаду за фарфоровую изоляционную головку. Женщина посмотрела на него с полукомичным удивлением, затем наклонилась вперед, заглядывая вниз.

– Вон он, там! Ухватился за ту беленькую штуковину... – Она потянулась одной рукой вниз, прощупывая пространство. В следующее мгновение она распрямилась с недовольной улыбкой. – Моим пальцам до него не хватает пары сантиметров. Может, вам больше повезет? У вас, вероятно, руки длиннее.

Он забрался на парапет, присел на корточки. Одной рукой он взялся за внутренний край как рукоятку, чтобы не перегнуться слишком далеко. Голова его отвернулась от нее в поисках шарфа.

Она подошла к нему, вывернув ладони наружу, словно

в лицемерном отказе принять свершившееся, затем так же быстро отступила. Легкий толчок выудил из нее шипящий выдох – звук, в котором смешались объяснение, проклятие и искупление.

—*Миссис Ник Киллин!*

Он, вероятно, услышал это. Возможно, звук стал последней искрой в его затуманенном сознании, которая затухла вместе с ним.

Выступ опустел. Теперь она делила его только с ночью. Из окон на террасу за углом радиоприемник пульсировал в такт румбе, раздавались смеющиеся голоса. Один, погромче остальных, воскликнул:

–Продолжайте, у вас отлично получается!

Марджори задержала женщину мгновением позже после ее возвращения в квартиру.

–Я ищу жениха. – Это слово она произнесла с горделивым собственничеством, неосознанно хвастливо притрагиваясь к кольцу на пальце. – Не знаете, он на террасе?

Девушка в черном вежливо улыбнулась.

–Да, именно там он был последний раз, когда я его видела. – Она пошла по длинной комнате резво, но неспешно, по пути привлекая к себе не одну пару восхищенных мужских глаз.

Горничная и дворецкий уже не стояли настороже в гардеробе при входе и появлялись только по вызову. И только после того, как ненавязчиво, никак не потревожив их, закры-

лась входная дверь, начал трезвонить домашний телефон, связанный с основным входом внизу. Некоторое время на него никто не обращал внимания.

Марджори вернулась с террасы, замечая ближайшим к ней гостям:

–Странно. Его там, похоже, нет.

Ее мать, которая была вынуждена лично подойти к неприкаянному телефону при входе, издала душераздирающий вопль. Вечеринка подошла к концу.

Глава третья

Пост мортем по Блиссу

Лью Вангер выпрыгнул из такси, оставив болтающуюся дверцу распахнутой, и локтями протаранил себе путь через небольшую кучку притихших зевак, которые собрались во круг.

–Кто тут у нас? – спросил он у полицейского, демонстрируя что-то из кармана жилета.

–Прыгун. – Патрульный почти вертикально поднял палец вверх. – Сиганул оттуда сюда.

У кого-то изъяли полуночное издание завтрашней утренней газеты, которую разобрали на отдельные листы, опавшие один за другим и образовавшие курган на земле. Из-под одного угла выглядывала нога в вечерней туфле из лакированной кожи.

–Насколько понимаю, у них там была гулянка. Вероятно, перепил, слишком далеко высунулся и потерял равновесие. – Патрульный отогнул страницу с новостями, чтобы Вангер сам во всем убедился.

Один из зрителей, не ожидавший такого и стоявший слишком близко, повернул голову, предупредительно прикрыл рот ладонью и поспешно удалился.

–А чего вы там ожидали увидеть? Фиалки? – недружелюбно кинул вслед коп.

Вангер сел на корточки и стал растирать крепко сжатый кулак, который выдавался из-под правого верхнего угла кургана. Наконец, ему удалось выудить оттуда нечто, напоминающее замерзший завиток черного дыма.

–Дамский носовой платочек, – подсказал полицейский.

–Шарф, – поправил Вангер. – Великовато для платочка.

Он снова посмотрел на прикрытое тело.

–Я его в лицо знаю, – заявил ночной швейцар здания. – Кажется, праздновали помолвку с дочерью Эллиотов. Они в пентхаусе.

–Что ж, пора туда подняться и разобраться со всем этим, – выдохнул Вангер. – Обычная рутина. Займет минут десять-пятнадцать от силы.

На рассвете он все еще выколачивал показания из выстроившихся перед ним растрепанных, утомленных гостей. – Вы серьезно хотите мне сказать, что никто из вас не знал имени этой девушки, не видел ее до этой ночи? – Как и прежде, го-

ловы уныло замотались по углам. – Кто-нибудь уточнял, как ее зовут? Что вы за люди такие?

– Все мы хотя бы один раз пытались узнать ее имя, – проговорил удрученный мужчина. – Она не хотела говорить. Каждый раз отделялась шуточками вроде «Да разве оно что-нибудь значит?»

– Хорошо, значит, это просто незваная гостья. Теперь бы мне понять, зачем ей это все, в чем ее мотив. – Тут в комнату вернулась мать Марджори, и Вангер повернулся к ней: – Как у вас? Пропало ли что-то ценное, не украли ли чего-нибудь?

– Нет, – всхлипнула она, – все на месте. Я осмотрела все.

– Значит, она пришла не ради ограбления. Вы настаиваете, что она целый вечер избегала других гостей и отказывалась общаться с вами, молодые люди. Остановилась на Блиссе, когда подвернулась возможность остаться с ним наедине. Однако вы утверждаете... – Он перевел взгляд на Кори. – ... что он не узнал ее по описанию швейцара и, когда он пришел сюда и наконец-то встретился с ней, вел себя так, будто она была ему совершенно незнакома. Это если мы допускаем, что речь идет об одной и той же особе. На пока это все. Может, кто-нибудь хочет что-то добавить к описанию дамы?

Таких не нашлось; женщину видело так много людей, что это само по себе было исчерпывающим описанием. Пока гости скорбно удалялись один за другим, оставляя свои имена и адреса на случай дополнительных вопросов, Кори подошел к Вангеру. Он был одновременно изрядно навеселе и

печально трезвый.

– Мы с ним были лучшими друзьями, – хрипло сказал Кори. – Что вы думаете? Что тут произошло?

– Поделюсь с вами, – ответил Вангер, готовясь уходить, – хотя вы заслуживаете моего доверия не больше, чем кто-либо иной. Нет ничего свидетельствующего, что это не несчастный случай – кроме одного. Тот факт, что она так быстро убралась отсюда после происшествия, а не осталась, чтобы отвечать наравне со всеми вами. Еще одна весьма обличающая улика – когда они столкнулись в дверях с мисс Эллиот, которая спросила, видела ли она его, та женщина спокойно ответила, что он там, а не позвала на помощь, что было бы в порядке вещей. Есть еще вероятность, конечно, что он упал уже после того, как она покинула его и ушла внутрь. Но против этого говорит черный платок, который он утащил за собой. Это сильно повышает вероятность, что она была с ним, когда все случилось. И все же она могла уронить платок или передать его ему, а потом уже уйти. Понимаете, тут пятьдесят на пятьдесят. Все, что можно предъявить с одной стороны, идеально стыкуется с тем, что можно выложить с другой стороны. Решающим фактором, на мой взгляд, станет ее поведение. Если она в течение пары дней назовется или снимет с себя подозрения, как только узнает, по какой причине мы ее разыскиваем, то все окажется печальной случайностью, а дамочка убежала, чтобы не стать жертвой дурной славы, ведь у нее никакого права находиться здесь не было. Если она за-

хочет остаться в тени и нам придется устроить на нее охоту, то, думаю, мы можем назвать случившееся убийством и будем недалеко от истины. – Вангер убрал в карман описание особы и остальную информацию, которую он записал. – Как бы то ни было, не беспокойтесь, мы до нее доберемся.

Но этого не случилось.

* * *

*Отдел вечерних аксессуаров, универмаг «Бонвит Теллер»,
пятнадцатью днями позднее*

– Да, это наш головной платок за двенадцать долларов. Его можно купить только здесь. Это наш эксклюзив.

– Хорошо, тогда позовите ваших продавцов. Хочу узнать, не помнит ли кто-нибудь из них, как его покупала женщина следующего описания...

Когда всех собрали и он трижды повторил сказанное, вперёд вышла неприметная, похожая на мышку женщина в очках.

– Я... Я помню, что продавала такую вещицу красивой женщине, подходящей к вашему описанию, чуть более двух недель назад.

– Прекрасно! Откопайте товарную накладную. Мне нужен адрес доставки.

Через пятнадцать минут:

– Покупательница заплатила наличными и забрала его с

собой. Ни имени, ни адреса она не оставила.

–Это обычная процедура при продаже подобных вещей?

–Нет, это предмет роскоши. Обычно они на доставке. В этом случае покупательница попросила отдать ей покупку в руки, я это запомнила.

Вангер (себе под нос):

–Чтобы замести следы.

* * *

Отчет Вангера начальству,

три недели позднее

...Никаких следов. Ни одной улики, которая бы показывала, кто она, откуда приехала и куда уехала. А равно виновна ли в преступлении – если она его вообще совершала. Я детально проработал прошлое Блисса, связался чуть ли не с первой девушкой, которую он поцеловал, а этой особы нигде нет. Показания швейцара в его доме и его друга Кори позволяют предполагать, что кем бы эта женщина ни была, он ее не знал. Тем не менее, она усердно избегала и сторонилась всех остальных мужчин на вечеринке, пока ей не удалось заманить его одного на террасу. Так что ошибочное опознание тоже не работает.

В общем, единственные свидетельства, что это не несчастный случай, – странное поведение таинственной женщины, ее последующее исчезновение и отказ выйти на

связь и снять все вопросы. Однако, не считая этого, никаких очевидных доказательств, что это было убийство, также нет.

** * **

Записи Вангера по Кену Блисссу

Умер при падении с террасы семнадцатого этажа в 4:30 утра, 20 мая. Последний раз его видели в компании женщины в возрасте около двадцати шести лет со светлой кожей, светлыми волосами, голубыми глазами, ростом около 165 сантиметров. Личность не установлена. Разыскивается для допроса.

Мотив: Непонятно, преступление ли это, и если да – вероятно, на почве страсти или ревности. Нет данных о предыдущих отношениях.

Свидетели: Никаких.

Доказательства: Черный вечерний шарф, приобретенный в «Бонвит Теллер», 19 мая.

Дело не раскрыто.

Часть вторая

Митчелл

*Он вздрагивает как тот, кто, слыша шорох оленя, видит крадущуюся ему навстречу пантеру.
Ги де Мопассан*

Глава первая

Женщина

Мириам – в стенах отеля «Хелена» фамилию ее все давно позабыли – была коренастой и сварливой особой с кожей оттенка потертого кожаного ремня. Она цепко держалась за три вещи: британское гражданство, пассивно обретенное в силу случайного рождения на острове Ямайка, пару сережек в виде золотых монет и свою собственную «систему» уборки комнат. С первыми двумя обстоятельствами никто не предпринимал и малейшей попытки что-либо сделать, а несколько неуверенных усилий вторгнуться в третий элемент увенчались решительным провалом.

В «системе» никакого значения не имела нумерация комнат. Равно никак она не была связана с расположением номеров вдоль тусклых, скрипучих, разноуровневых коридоров.

Мистическая алгебра подчинялась лишь процессам, протекающим в глубинах ума Мириам. Никому не было под силу потревожить их – по крайней мере безнаказанно. Точно не обошлось бы без разливающейся по бесконечным краям путаного коридора долгой злобной тирады, которая продолжалась бы еще многие часы спустя после того, как первоначальный источник раздражения скрылся бы из вида.

–«Четырнадцатый» после «семнадцатого». Пусть ждут, пока не закончу с «семнадцатым». По первости за «четырнадцатый» не берусь.

Этот порядок никак не был связан и с предполагаемыми чаевыми, которых в «Хелене» практически не водилось. Привычка была наиболее вероятным объяснением того, что, в конечном счете, было чисто эмоциональным состоянием ума Мириам.

Колесико «системы» в назначенный час с чем-то дня наконец-то докатилось до «девятнадцатого», и Мириам направилась вдоль особенно ветхого участка коридора в дальний конец, придерживая одной рукой ведро, а другой – длинную палку, на рабочем окончании которой можно было заметить тонкие клочки пушистого волокна.

Она остановилась у «девятнадцатого», боком повернула ключик и дважды вдарила им по дереву. Это была формальность, поскольку Мириам впала бы в раж, если бы «девятнадцатый» хоть как-то посмел встрять к ней в «систему». «Девятнадцатого» в это время никогда не было на месте. Да и не

было у «девятнадцатого» никакого права быть там в этот час.

Формальное простукивание ключиком не входило в строгий регламент правил поведения в отеле. Это был чистый рефлекс. Мириам уже просто не могла входить в номера, не проведя привычную церемонию. Против воли по возвращении в собственную мебелированную комнату по окончании рабочего дня Мириам с тем же самым стуком падающего молота стучала о дверной проем, прежде чем сунуть свой собственный ключ в замок.

Мириам с вызовом распахнула дверь и вошла в маленькую и ничем не примечательную комнатку. Узор на коврике был втоптан в забвение. Половые доски теперь покрывало некое подобие серовато-зеленой плесени. Выбеленная кирпичная стена стопорила взгляд в паре метров за окном, через которое силился пробиться лучик света под таким углом, что каждый раз рисковал переломиться. Комната прекрасно обошлась бы и без него, хотя бы во имя сохранения иллюзии чистоты, поскольку воздух в ней бурлил частичками пыли, как гашеная сода.

На стене поверх кровати размещалась подборка разноразмерных фотографий девушек в гвоздях, рамках и стеклышках. Мириам не соблаговолила поднять на них глаза, ведь большинство из них висело там многие годы. Та, с которой «девятнадцатый» встречался сейчас, не имела ни малейшего шанса попасть на стену, заключила Мириам, поскольку у нее не было средств на фотографию, а у него не было денег

на гвозди, рамку и стекло. Да и на той стене уже не оставалось свободного места. А он сам слишком состарился, чтобы браться за новую стену. А если бы даже это было не так – следовало бы остепениться. Пора поставить точку в этом вопросе.

Заправив кровать под сопровождение бешеных вихрей соринки в лучике света, Мириам прикрыла дверь до узкой щелочки, но не захлопнула ее полностью. В этом действии не было никаких скрытых намерений, она руководствовалась чувством уязвленного неповиновения. Она даже облекла это столь сильно осязаемое чувство в высказанные вслух слова.

–Всё припрятывает. Постоянно всё припрятывает непонятно куда. Думает, кто-то позарится? Кому это надо-то?

Она предварительно осушила губы – или, быть может, подготовила их – тыльной стороной ладони. Мириам открыла дверь в стенной шкаф, присела, разворошила груды замызганных рубашек в углу и вытащила оттуда, как зайца из норки, бутылку джина.

Она не продемонстрировала никакого удовлетворения при виде нее, одно лишь праведное возмущение.

–Кто, он думает, сюды суется, кроме меня? Знает же, что никто не захаживает, кроме меня! Как так можно подозревать людей!

Она запрокинула бутылку, снова опустила. А затем подошла к раковине и повернула кран с холодной водой. Со сноровкой, в которой угадывалась долгая выучка, она подстави-

ла под поток откупоренное горлышко бутылки, а затем сразу убрала его, ровно настолько, чтобы восстановить содержимое до прежнего уровня, не более того. Это было не столь затруднительно, как может показаться. Достаточно было руководствоваться подозрительными карандашными пометками, которые отчетливо виднелись на четырех углах матового стекла. Небольшой перелив, который она допустила в пользу бутылки, Мириам скорректировала ртом. Теперь она задыхалась от ощущения чуть ли не гонений на себя.

– Старый скупердяй! Подлый сквалыга! – сердито выпалила она с антильской страстностью и дополнившим ее легким позвякиванием золотых монеток в ушах. – Одного не люблю – это когда люди мне не доверяют!

Она вернула бутылку в норку, закрыла шкаф, возвратила дверь в номер на прежнюю ширину и приступила ко второй стадии исполнения обязанностей, которая заключалась в возюкании палкой с редким пушком в отдельных местах вдоль стен, наподобие человека, силящегося поймать лосося гарпуном на середине реки.

Именно во время выполнения этих несколько сбивающих с толку маневров Мириам ощутила, что за ней наблюдают. Она повернула голову, и в коридоре обнаружилась дама, заглядывающая в комнату через открытую дверь. Мириамхватило одного взгляда, чтобы понять, что женщина не проживала в отеле, и уважение Мириам к особе немедленно подскочило. Ее неприятие и грубость в отношении всех, кто жил

в отеле, уравнивалось почтением и приветливостью в адрес всех, кто в нем не жил. Незыблемый принцип, действующий в обе стороны.

– Да, мэм? – позвала Мириам с сердечным интересом. – Ищите мист’ра Митчелла?

Дама оказалась очень дружелюбной и вежливой.

– Нет, – ответила она с улыбкой. – Я зашла к подруге, но ее нет дома. Возвращалась к лифту, но, кажется, немножко заблудилась...

Мириам, подобно отдыхающему венецианскому гондольеру, оперлась на рукоятку швабры в надежде, что дама не покинет ее немедленно.

Та осталась. Неслышным шагом она приблизилась к порогу, но все равно задержалась на почтённом расстоянии от комнаты. Особу, похоже, охватил всепроникающий интерес к Мириам и беседе с ней.

Мириам заметно приосанилась от гордости в лучах серного солнечного света и практически в экстазе вертелась вокруг рукоятки швабры.

– Знаете, – начала дама в очаровательной интимной манере разговора по душам между женщинами, – мне всегда казалось, что многое можно сказать о человеке по комнате, в которой он живет.

– Да-да, именно так, в яблочко, – усердно поддакнула Мириам.

– Возьмите для примера эту комнату – пока вы здесь при-

бираетесь, а я прохожу мимо. Мне ничего не известно о проживающем здесь человеке...

– Мист’ре Митчелле? – подсказала Мириам, над которой разговор возымел уже почти гипнотическое действие. Ее подбородок опустился на закругленный край рукоятки швабры.

Дама небрежно махнула рукой.

– Допустим, Митчелл или как его там зовут... Я его не знаю и никогда не видела. Но давайте я поделюсь моими наблюдениями по поводу его комнаты – и поправьте меня, если я ошибаюсь.

Мириам передернула плечами, предвосхищая удовольствие.

– Давайте, – поторопила она, затаив дыхание. Это было практически так же интересно, как за бесплатно дать ворожее погадать по руке.

– Он не особо опрятен. Вон там на лампе зацепился галстук...

– Неряха, – воинственно подтвердила Мириам.

– Не слишком богат. Впрочем, это и по отелю видно. Место недорогое...

– Он восемь лет подряд на месяц с хвостиком задерживает оплату! – с жаром подтвердила Мириам.

Дама прервалась – не как человек, который пытается вас облапошить, а как человек, который взвешивает каждое слово, прежде чем взять на себя ответственность за утвержде-

ние.

–Он не работает, – наконец продолжила она. – В корзинке для бумаг вертикально лежит сегодняшняя утренняя газета. Вижу ее отсюда. Видимо, он поднимается около полудня, читает какое-то время, а потом уходит по делам...

Мириам зачарованно закивала, неспособная отвести глаза от такого поразительного проявления смекалки, мудрости и грациозности. Можно было даже попытаться выхватить из-под нее ручку швабры, и Мириам, сама того не заметив, так и осталась бы стоять в той же неизменной полусогнутой позе.

–Да, он – пустоголов. Живет на что-то вроде ветеранской пенсии, получает раз в месяц, незнамо откуда. – Она почтительно склонила голову. – Ну а вы молодчина.

–Он одинок, друзей у него немного. – Глаза женщины устремились вверх по стене. – Все эти фотографии – признак одиночества, а не популярности. Если бы у него было много друзей, то он бы не заморачивался с картинками.

Мириам никогда прежде не думала об этом в таком ключе. Более того, если эти картинки и значили хоть что-то для нее – а это было не так уже несколько лет, – то они свидетельствовали о несколько мерзопакостном характере владельца, его тайном торжестве по поводу его прегрешений. Поначалу она даже пару раз во весь голос высказала недовольство при виде фото. А именно:

–Старый мерзавец!

–Даже если, – продолжала дама, – он и знал этих девушек

хорошо – а это скорее всего не так, – знаком он был с ними лишь по отдельности, а не со всей группой. Здесь и послевоенные закрывающие уши пышные начесы, и каре под японских куколок начала двадцатых, и выпрямленные волосы до плеч, как носили несколько лет назад...

Мириам крутанула головой, оглядывая сверху донизу стену за собой; скругленный конец швабры теперь покоился поверх одного уха. Мириам даже почесала себе голову в таком положении, подвигав концом палки.

–Он так и не отыскал девушку, которую искал. Было бы меньше фотографий, если бы нашел. Вообще не было бы, если бы нашел. Но они... – Она задумчиво постучала себя по краешку одного из нижних зубов. – Смешайте их все вместе в одну общую картинку, и получится примерно та, которую он искал.

–Вот как! – выдохнула в восхищении Мириам, которая, видимо, и не знала, что он что-либо искал. По крайней мере, ничего из того, что принято обсуждать в приличном обществе.

–Он искал тайну. Иллюзию. Девушку того рода, которую не найдешь в этом мире. Ту, которая только в воображении. Существо без корней, отрешенно витающее поверх обыденности и не имеющее с ней никаких контактов. Одалиску. Мату Хари.

–Кого? – настороженно спросила Мириам, оборачиваясь.
–Вы присмотритесь к ним. Все они не такие, как есть –

точнее были. В мягком фокусе и при тюле, в ореоле фотографического тумана, за ажурным веером, со взглядом, устремленным на камеру в отражении зеркала, с розой меж зубов... – Она слегка улыбнулась, и не сказать что неприязненно. – Человек наедине со своими мечтаниями.

–Сдается мне, он никогда и не найдет такую, какую хочет, – предположила Мириам.

–Никогда не знаешь, – заявила все с той же улыбкой дама в дверях. – Никогда не знаешь. – Затем она обратилась к Мириам с очаровательным вопрошающим наклоном головы: – Скажите по правде, я же больше отгадала, чем ошиблась?

–Все в тютельку! – решительно поздравила собеседницу Мириам.

–Видите? Я как раз об этом. Вот что нам может рассказать пустая комната.

–А то! Так и есть.

–Что ж, не буду вас отвлекать от работы. – И дама, изобразив дружеский жест прощания и просияв особенно душевной улыбкой, пошла своим путем.

Мириам с сожалением вздохнула, когда дверной проем остался пустым. Она дала швабре уткнуться в стену, пошла ко входу и встала, наблюдая, как дама идет по коридору и скрывается за поворотом. И вот коридор тоже опустел.

Мириам снова вздохнула, еще более безутешно. Какой приятный разговор! Насколько поучительный и занимательный! Как же обидно, что он так быстро подошел к концу,

вот бы он еще чуточку продлился! Хотя бы пока она убирала еще одну комнату.

Едва слышно за поворотом, вне поля зрения, захлопнулись двери лифта, и дама исчезла насовсем. Мириам неохотно вернулась в комнату завершить начатое дело.

–Какая же милая, – задумчиво пробормотала она. – Держу пари, не вернется к нам больше никогда.

Глава вторая

Митчелл

Митчелл в привычное время зашел в убогое лобби гостиницы со сложенной под мышкой газетой. Он задержался у стойки, чтобы убедиться, нет ли для него сообщений. Он удостоился от служащего того особого взгляда, который приберегают для хронически запаздывающих на полтора месяца с оплатой жильцов. Ему пришло три письма.

Первое было запиской от Мейбл, подруги-блондинки из ресторана. Второе было ошибкой, предназначавшейся для отсека выше в ящике для корреспонденции. Третье было не то рекламным проспектом, не то счетом, он по одному виду понял это. Его адрес был отпечатан, и на конверте не значился обратный адрес. По этой причине Митчелл и не открыл письмо тотчас. Счета и рекламу он чуял за километр.

Он поднялся наверх, прикрыл дверь и оглядел комнату. Он прожил здесь двенадцать лет. За это время комната при-

обрела характерные черты его личности. На стенах висели в изобилии фотографии девушек. Настоящая фотогалерея. И дело было не в том, что он был сластолюбцем; он был романтиком. Он продолжал искать свой идеал. Ему хотелось, чтобы она была чарующей, таинственной. С масками, веерами, секретными рандеву и всем в этом роде. А все, что ему перепало, – официантки из сетевых ресторанов «Чайльдз» и продавщицы из универмага «Хернз». Скоро уже будет слишком поздно искать Ту Самую; скоро и она потеряет значение.

Он повесил пальто, из бокового кармана которого белым шрамом выглядывало третье письмо. Он достал бутылку джина из-под грязных рубашек на полу в задней части шкафа, куда не могла добраться уборщица. Каждый вечер он позволял себе отпить всего на два пальца, растягивая одну бутылку на две недели. Он разом запрокинул горячительное себе в глотку, даже не притрагиваясь к мерному стаканчику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.